

УДК 39(571)

Связь фольклорной версии происхождения народа саха с источниками по истории Прибайкалья

В. В. Ушницкий

*Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН*

Аннотация. Рассмотрена проблема происхождения народа саха. Предложена версия о наличии связи предков саха с центральноазиатскими татарами, часть которых в ходе междоусобных войн XIII в. оказалась на р. Ангаре. Они были известны под именем «усуту-мангун», или «водяные татары», и связаны с усть-талькинской археологической культурой Приангарья XII–XIV вв. Приводятся сведения из якутских легенд о прародителях, где фигурируют Эллэй из племени «татаар» и его отец Татаар-Тайма. Установлено, что этнонимы «монгол» и «татаар» были известны предкам саха. Самоназвания якутов («саха» и «ураанхай») также имеют связь с этнонимом «цзубу» («сог-по»), обозначающим татар, и этнонимом «улухоу» («уряньхай»), обозначающим предков татар. Центральноазиатские татары принимали активное участие в формировании кимако-кыпчакских племен. С этим сравниваются версии археологов об участии кимако-кыпчакского компонента в сложении усть-талькинской и якутской культуры.

Ключевые слова: Прибайкалье, саха, татары, усть-талькинская культура, этногенез, родовой состав, саха.

Введение

Проблема происхождения саха (якутов) во все времена привлекала исследователей. Еще в XVII в. иностранные путешественники Н. Витсен [Витсен, 2010] и И. Идес [Иванов, 1978] интересовались происхождением скотоводов Севера и их языковой принадлежностью. Ими был сделан вывод о прибайкальской родине саха, где они составляли один народ с монголами и бурятами, пока не были вытеснены последними. Фольклорные сведения о происхождении саха собирались участниками Второй Камчатской экспедиции Г. Ф. Миллером [Миллер, 1999] и И. Линденау. Согласно материалам, собранным И. Линденау, народ саха образовался вокруг байкальских степей, именно там произошла встреча легендарных прародителей саха Эллэй Боотура и Омогой Баая [Линденау, 1983].

Каждый раз, когда происходил подъем национального самосознания саха и собирались масштабные экспедиции с целью изучения истории края, обострялся интерес к данной проблеме. Почти все исследователи (этнографы, фольклористы, филологи, историки, археологи), изучавшие народ саха, высказывали свое мнение о его происхождении. В последнее время дискуссия по данной проблеме сосредоточилась на проблеме характера этногенеза. Вплоть

до 1990-х гг. все авторы придерживались точки зрения о южном происхождении этноса. После получения суверенитета Республики Саха (Якутия) в 1992 г. эта тема приобрела политизированный характер. Такое отношение к научной проблеме этногенеза, подчеркивание автохтонной роли коренного народа той или иной национальной республики в целом характерны для всего постсоветского пространства.

Курыканскую теорию происхождения саха на основе изучения археологических материалов, фольклорных и лингвистических источников обосновал А. П. Окладников [1955]. Комплексный метод в изучении этногенеза саха использовал И. В. Константинов [1975, 2003]. Основные достижения советской науки в исследовании этой проблемы по данным этнографии, лингвистики, археологии, антропологии и генетики представлены в монографии А. И. Гоголева [1993]. Главным итогом работы возглавляемой им в течение 1970–1980-х гг. археологической экспедиции ЯГУ явилось открытие кулун-атахской скотоводческой культуры XIII–XV вв. на Средней Лене [Гоголев, 1990], что позволило обосновать заселение Прибайкалья предками саха после монгольских походов в XIII–XIV вв. В соответствии с генеалогией прародителя саха Эллэя ранее считалось, что прибытие на эту территорию группы тюркских предков саха произошло в XVI в. [Константинов, 1975, 2003].

Исходя из анализа легенд о прародителях, археологи искали предков саха в Байкальском регионе. И вроде бы нашли их в представителях курумчинской культуры – средневековых курыканах Прибайкалья V–X вв. Однако сегодня существование единой курумчинской культуры иркутскими археологами подвергается сомнению [Харинский, 2003, 2010]. Нет единого мнения у исследователей и по поводу территории обитания курыкан. Ограничивалась ли она только Прибайкальем?

Оригинальная и самобытная якутская культура и столь же загадочный якутский язык стоят особняком в среде тюркской цивилизации. Якутский балаган не имеет аналогов в степной и таежной культуре тюркских народов, а истоки археологами обнаружены в позднекарасукской культуре [Савинов, 2008]. Якутский «чорон», кумысный кубок, имеет множество аналогов, начиная со скифского кубка и чжоуского бронзового сосуда – треножника [Кисель, 2003]. Якутская коновязь «сэргэ» восходит в своих истоках к оленным камням и имеет типологически и функционально одинаковое значение вместе с венгерским «фейфа» и казахскими «культутасами» [Ажигали, 2014].

В якутской этнографии и в поздней археологической культуре кыргыс-ётёхёв встречаются предметы с кыпчакским обликом, что даже позволило выделить отдельно кыпчакский компонент в этногенезе саха [Гоголев, 1990, 1993]. Встречаются вещи и слова монгольского происхождения, которые можно отнести к эпохе Монгольской империи. Эти материалы дополняются новыми археологическими находками в долине Туймаада – центре якутской культуры в XIV–XVII вв. Опираясь на эти данные, можно говорить об отдельных проникновениях южных скотоводов в Витимо-Оленекский бассейн, однако имеющая факты свидетельствуют о прибытии основных южных предков саха как компактной группы в XIV–XV вв.

Анализ фольклорной версии и источников

Целый цикл якутского фольклора посвящен легендам о прародителях Эл-лэе и Омогое, рассказывающим о жизни предков на прародине и их встрече на новой родине, в результате чего начал складываться народ саха. Якутские фольклорные источники стали активно внедряться в научный оборот уже с первых описаний европейских путешественников и ученых в начале XVIII в. [Иванов, 1978]. По записям легенд, опубликованным в первой половине XX в., прародителями саха являются выходцы из южных народов бырааскай (от русского названия бурят – «братья»), ураангхай, кыргыз, татар [Боло, 1994; Исторические предания ... , 1960; Ксенофонтов, 1977].

Во многих версиях легенд Омогой и Эллэй выступают как выходцы из народа татаар. Предок саха Эллэй с отцом Татаар-тайма, убегая от своих преследователей, долгое время скитались по безводной местности. «Приходилось шелковую материю волочь по земле, выжимая из нее воду» [Ксенофонтов, 1977, с. 162]. Как отмечал Г. В. Ксенофонтов, эти сюжеты, по мнению Г. Ф. Миллера, отражают подлинное бегство буир-нурских татар по пустыням Шамо и Гоби [Ксенофонтов, 1992].

В фольклорных записях сохранилось предание о том, что предки саха проживали вместе с кыргысами и татарами у теплого моря, куда можно было добраться, перейдя через восемь рек (включая и Лену). Тогда над ними по указу Чыныс-хаана и по предопределению Одун-хаана утвердил свое господство народ татары. Затем предки саха до прихода на р. Лену проживали по р. Ангаре и вокруг оз. Байкал [Боло, 1994, с. 128].

По мнению Г. Ф. Миллера, предки саха когда-то были единым народом с татарами Центральной Азии. «Якуты же среди почитаемых ими богов имеют одного, которому они присваивают имя древнего татарского князя Татара, этим не только подтверждается родство между якутами и татарами, но этот факт можно даже принять как сильное доказательство древности татарской истории» [Миллер, 1999].

В XII–XIV вв. в Южном Приангарье появляется народ, придерживающийся обычая закапывать умерших вместе с конем и коровой, как это делали якуты в XVI–XVIII вв. Потом, в конце XIV в., представители усть-талькинской археологической культуры в полном составе переселяются на Среднюю Лену [Николаев, 2004]. По мнению В. С. Николаева, усть-талькинцы – это исторические туматы. С этим мнением не согласен А. В. Харинский, относящий данную культуру к племени усуту-мангун. Он считает, что имя племени усуту-мангун в сочинении Рашид-ад-Дина сравнимо с именем четырех областей «пеголошадников» – Мангу [Харинский, 2003].

Термин «мангун» считается вариацией этнонима «мангол», а окружающее население по роду занятия называло их «усуту-мангол», что значит «водяные монголы», – предки монголов занимались охотой и рыболовством [Зориктуев, 2011, с. 54]. В труде П. Карпини о тартарах (татарах) также говорится о том, что «су-монголы, то есть водные монголы; сами именовали себя тартарами по названию некой реки, которая протекает через их землю» [Юрченко, 2006, с. 508].

Отождествление древних этнонимов с современными часто приводит к недоразумениям. В таком случае обычно всех носителей этнонимов «монголы» и «татары» автоматически отождествляют с современными монголами и татарами. Однако носителями этих древних этнонимов в Средние века могли быть другие этносы с иным языком.

В якутской мифологии и эпосе «Тюёнэ» Могол Тойон – первопредок саха, страна Могол Тойоно находится на Средней земле. В фольклорных и архивных источниках фигурируют: божество – покровитель домашнего скота Могол Тойон, «Большой Господин»; Тюёнэ Могол – покровитель конного скота; Могол Хотун – «высокая Госпожа Могол»; Могол тойон – дух – хозяин очага [Научный архив Института ...]. Таким образом, термин «могол», как и название «ураанхай», был древним именем предков народа саха.

Дискуссионной проблемой является существование приангарских татар. Помимо Рашид-ад-Дина [1952] о присутствии группы татар на р. Ангаре свидетельствует Абульгази, автор XVII в. [Абульгази, 1906], пользовавшийся и другими древними источниками. По его свидетельству, приангарские татары, они же «алакчины», славились своими серебряными изделиями. Это тем более интересно, что в раннюю эпоху, в VII в. н. э., в китайских источниках упоминаются «бома». Тюркским эквивалентом их названия было слово «ала» [Зуев, 1962].

Анализ источников по XIII в. позволяет говорить о том, что происхождение усть-талькинцев и этнического ядра саха связано с племенем татар, нашедших новую родину на берегах р. Ангары. Татары хоть и являлись противниками Чингисхана, были насильно включены в его армию и служили в качестве боевого авангарда, отчего в Европе татарами стали обозначать монгольских воинов и племена. Победное имя татар шло впереди монгольских войск, но со временем татары оказались истреблены, поскольку в сражениях их всегда посылали вперед [Юрченко, 2006, с. 32]. Удивительно, но в якутских преданиях сохранились сведения о насильном включении их предков в состав монгольского войска: «...ушли за Байкал, откуда их вытеснил Чингисхан, или сами они отделились от него: они составляли один из передовых отрядов, и Чингисхан всегда употреблял их, не жалея, во время сражений в дело первыми, отчего якуты в численности весьма уменьшились; предчувствуя, то если истребление их пойдет и далее так быстро, то они все будут перебиты, они ушли на север, оставив Чингисхана и нынешнюю Забайкальскую область» [Овчинников, 1897, с. 130].

В этой связи перед нами встает вопрос о возможности участия предков народа ураанхай-саха в монгольских походах. Следует иметь в виду, что богатый инвентарь усть-талькинских некрополей свидетельствует об активном участии погребенных номадов в дальних походах. По мнению В. С. Николаева, данные захоронения принадлежат знатным воинам, прославившим свой род или племя в дальних походах в составе монгольских армий [Николаев, 2006, с. 307].

Французские археологи, работающие в Якутии с 2002 г., заявляют о позднем прибытии на Среднюю Лену маленькой группы всадников с боевым снаряжением вследствие расселения народов, имеющих отношение к завоеваниям империи Чингисхана. Эти выводы сделаны ими на основании изучения грунтовых погребений, где покоится знать, верхушка общества того времени. По дру-

гому сценарию допускается, что в XIII в. одной или несколькими волнами прибывали сотни людей, включающие группы из нескольких семей или воинов с небольшим числом женщин [Редкие мужчины ... , 2012, с. 206].

Интерпретация источников и материалов

Проблемой происхождения и этническим составом средневековых тюрко-монгольских народов занимались китайские летописцы династии Тан [Бичурин, 1950; Кюннер, 1961] и персидско-арабские летописцы [Рашид-ад-Дин, 1952]. Новые труды по этнической истории средневековых этносов Центральной Азии, помимо этих источников, опираются еще на публикацию рунических памятников и фольклорные источники тюрко-монгольских народов [Зуев, 2002; Кляшторный, Султанов, 2000]. Языки тюркских народов делятся на огузскую, уйгурскую, кыпчакскую и болгарскую группы. Язык саха не относится ни к одной из этих групп, он обособлен и от языка потомков енисейских кыргызов – хакасов, и древних уйгуров – тыва. Признано сильное влияние монголоязычной лексики, морфологии и синтаксиса на формирование якутского языка [Radloff, 1908; Происхождение якутов ... , 1928–1930].

В X–XI вв. под именем «цзубу» татарские племена осваивают всю территорию Монголии. Киданьский термин «цзубу» служил обозначением племени татар, кочевавших от Цинхя до Буир-Нура. Недаром Махмуд Кашгарски, живший в XI в., называет обширный регион между Северным Китаем и Восточным Туркестаном «Татарской степью» [Кляшторный, Султанов, 2000]. Термин «цзубу» выводится из тибетского «сог-по» (вариант – «сок») – обозначения кочевников. В то же время термин «сог-по» считается именем согдийцев. Предполагается, что в этногенезе центральноазиатских татар помимо монголоязычных шивеев принимали участие потомки отуреченных согдов Ордоса [Зуев, 2002].

И. Страленберг [Strahlenberg, 1730] и Н. А. Аристов [Аристов, 1896] указывали на сходство названий саха с античными саками. А. И. Гоголев доказывает происхождение предков саха от индоираноязычных саков, связанных с пазырыкской культурой [Гоголев, 1993]. Но остается неясным, как эта этимологическая связь могла преодолеть огромное временное расстояние. Следует указать, что тибето-бирманские народы своих тюрко-монголоязычных соседей обозначают под именами «хор» и «соха» [Дугаров, 2004].

Археологи указывают на сходство погребального обряда кимако-кыпчакских племен с усть-талькинскими могильниками [Николаев, 2004]. Персидский историк середины XI в. Гардизи сообщает, что татары являются одним из семи племен, входящих в кимацкий каганат, и пересказывает легенду о том, что кыпчаки, кимаки и татары происходят от общих предков – татар [Бартольд, 1966, с. 44]. Ранее якутские исследователи выделили участие кыпчакского компонента в этногенезе саха [Гоголев, 1993; Бравина, 1996; Ушницкий, 2011].

Ю. А. Зуев считает Внутреннюю Монголию восточной родиной племени кимеков [Зуев, 2002, с. 110]. В его работе большое внимание уделяется анализу мифов и сюжетов о Драконе, так как, по его мнению, в этой легенде заложен генеалогический миф кимеков [Там же, 2002, с. 110–124]. В «Эллэаде» можно

найти параллели и с мотивом кимакской легенды, когда шад, стоя на берегу Иртыша, слышит голос, но находит в воде только волос, оказавшийся его женой, упавшей в воду, которую схватил дракон [Ахинжанов, 1989, с. 95–96]. Кимекский миф имеет единственный географический ориентир – гору Манкур. Ю. А. Зуев считает, что на территории Центральной Азии имеются несколько топонимов «Манкур», что обусловлено перемещениями самих кимеков [Зуев, 2002]. Можно привести тот факт, что в стране кимеков, в центре их кочевий на территории Казахстана, находилась гора Манкур. Упоминается и кыпчакское племя манкуроглу, связываемое с кимеками [Ахинжанов, 1989, с. 107]. Поэтому для нас важным представляется тот факт, что в сюжете якутских легенд о предке саха Омогой Баае сообщается о далекой стране народа Монкуур, где он сначала проживал [Боло, 1994, с. 23].

С. М. Ахинжанов установил, что истинным самоназванием народа кимек, по арабо-персидским источникам, могло быть имя «уранкай» [Ахинжанов, 1989, с. 116]. По кимекской легенде прародителями народа явились беглые люди из племени татар – в составе кимеков было племя под таким именем.

Другим самоназванием древних предков саха по фольклорным источникам был этноним «ураангхай». В XIII в. были две группы урянхайцев: лесные и степные [Рашид-ад-Дин, 1952]. Потомками лесных урянхайцев – «сайнурянхатов» – являются тувинцы. Потомками степных урянхатов являлись ляодунские урянхайцы, растворившиеся среди других монголоязычных групп [Кюннер, 1961]. Вероятно, древнее самоназвание саха «ураангхай» восходит к обозначению народа улухоу-хи (кумохи), являвшегося предком южных шивеев [Бичурин, 1950], которые в свою очередь и превратились в татар Центральной Азии.

Спорным является этническая принадлежность центральноазиатских татар. Татары отождествляются с шивеями, которые считаются предками монголов. Но есть и авторы, считающие татар тюркоязычными. Так, Махмуд Кашгари относил татар к тюркоязычным этносам, указывая при этом, что у них имеется и свой (нетюркский) язык. Татары упоминаются в тюркских рунических надписях с 732 по 760 г. [Кляшторный, Султанов, 2000, с. 133–134].

Описание происхождения основных подразделений саха

Многие большие народы состоит из родовых групп, восходящих по своему происхождению к разным средневековым племенам. По мнению исследователей, к приходу русских народ саха состоял из множества отдельных родов с разной численностью, обозначенных в документах XVII в. Наиболее крупные роды – хангаласский, мегинский, намский, борогонский, батурсуский, баягантайский – в XVIII в. получили статус улусов, что имело территориально-административное значение. Еще в 1930–1940-х гг. вместе с разгромленными бётюнцами и батулинцами они выделялись своей численностью среди других волостей, что позволяет определить их в качестве отдельных племен.

Оседлая якутская скотоводческая культура с балаганами из вертикально поставленных бревен и земляным полом, берестяными изделиями и серебряными украшениями, а также культом кумысопития находит аналогии в описа-

нии племени бома-алатов и более поздних алакчинов [Савинов, 2008, с. 118]. Не исключено, что общая для предков бурят и саха этническая культура складывалась в рамках курумчинской культуры, по описанию схожей с бома-алатами и отличной от курыкан [Ушницкий, 2010].

Наиболее древними, возможно аборигенными по отношению к другим якутским родам, являются баягантайцы. Сохранились фольклорные тексты, позволяющие отнести их к отдельной группе мигрантов с юга [Линденау, 1983], потомкам легендарного Омогоя. Для нас примечательно, что имя рода баайага связано с названием самого северного телесского племени байырку (в танских источниках – «байегу»).

Прямыми потомками Эллэя считаются кангаласцы, как раз их можно отнести к татарскому компоненту. Племена канглы вплоть до XIII в. жили на территории Центральной Азии. В истории династии Тан, где рассказывается о падении Уйгурского каганата, упоминаются хэйчэзцы («чернотележники»), шивеи, которых Ю. А. Зуев считает объединением Канцзюй. По его утверждению, область Канцзюй в IX в. продолжала существовать в северной части Внутренней Монголии и на востоке Большого Хингана [Зуев, 2002]. Следовательно, она находилась примерно в том самом месте, где позднее фиксируются татары Буир-Нура. Ю. А. Зуев считает шивеев тождественными татарам [Зуев, 2002, с. 105], поэтому хэйчэжишивеев можно считать тележными татарами.

Одна из пяти областей «пеголошадников», описываемых Рашид-ад-дином, расположенных на Ангаре, носит название «Мангу», которое выводится из слова «мэнгу» – «серебро» [Зуев, 2002]. Этот этноним близок к названию крупного якутского улуса Мэнэ.

От Омогоя и его потомков, по другим данным, происходит и Намский улус. Это название близко к имени эвенкийского рода намят, обитавшего в XVII в. на территории Забайкалья. Имя рода боотулу, к которому принадлежал легендарный Омогой Баай, сопоставимо с именем рода батулинцев, упоминаемых в XVII в. в составе бурятских племен булагатов и хоринцев. В батулинцах Забайкалья видели потомков тюркоязычных туматов [Румянцев, 1962] или найманов [Цыдендамбаев, 1972]. Также отмечают в них потомков мекритов, или меркитов [Ушницкий, 2013]. Мекриты упоминаются в сочинении Марко Поло как племя, проживающее в долине Бангу, «где от холода никто не живет, ни зверь, ни птица» [Поло, 1997]. По этой причине мекритов связывали с тунгусами, тем более что среди баргузинских эвенков был род вокарай [Фольклор эвенков ... , 1967].

Именно на территории будущего Борогонского улуса, на оз. Мюрю, оставил третий легендарный прародитель саха – Улуу Хоро, ехавший с юга верхом на быке [Боло, 1994]. От него происходят многочисленные роды хоро, обычно связываемые с хоринскими бурятами. Это точка зрения, имеющая обширную историографию, была раскритикована Б. Р. Зориктуевым [Зориктуев, 2011]. Следует учесть, что от этих легендарных хоро, возможно, происходят борогонцы, имеющие в качестве прародителя сына Эллэя – Барга Баатыр. Этот эпоним связывает борогонцев с баргутами, ушедшими с территории Баргузинской долины в XIV в. сначала в Приамурье, потом во Внутреннюю Монголию.

Заключение

Современная этническая культура, язык, фольклор народа саха сформировались на территории их современной родины. Южные мотивы в исторических легендах о прародителях и этнонимах можно назвать воспоминанием о прародине. Безусловно, известные нам по источникам средневековые тюрко-монгольские племена явились предками современных саха. Анализ письменных, археологических источников, в том числе по средневековой истории Прибайкалья, позволяет нам отождествить южных предков саха с приангарскими татарами, известными и под другими именами – «усуту-мангун» и «алакчины». Помимо них в этногенезе саха в Прибайкалье, возможно, участвовали туматы, батулинцы, баргуты, байырку и меркиты.

Таким образом, начало этногенеза предков саха связывается с Байкальским регионом, где тюркские предки саха контактировали с монголоязычными племенами. Однако окончательное формирование культуры, языка и самосознания народа саха произошли на Средней Лене.

Список литературы

- Абульгази*. Родословное древо тюрков / Абульгази // Изв. об-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. – 1906. – Т. 21, вып. 5–6.
- Ажигали С. Е.* Древний символ степной Евразии: коновязные столбы (сэргэ-кулпытасы-фейфа) / С. Е. Ажигали // Всадники Северной Азии и рождение этноса: этногенез и этническая история саха. – Новосибирск : Наука, 2014. – С. 47–72.
- Алексеев А. Н.* Древняя Якутия. Железный век и эпоха Средневековья / А. Н. Алексеев. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 95 с.
- Аристов Н. А.* Заметки по этническому составу тюркских племен и народностей / Н. А. Аристов // Живая старина. – 1896. – Вып. 3–4. – С. 329–335.
- Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–1894 гг. / В. В. Бартольд // Сочинения. – М., 1966. – Т. 4. – С. 44.
- Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н. Я. Бичурин. – М. ; Л. : Ин-т этнографии им. Миклухо-Маклая, 1950. – Ч. 1. – 381 с.
- Боло С. И.* Прошлое якутов до прихода русских на Лену: по преданиям якутов бывшего Якутского округа / С. И. Боло. – Якутск : Бичик, 1994. – 320 с. (на якут. яз.)
- Бравина Р. И.* Погребальный обряд якутов / Р. И. Бравина. – Якутск : Изд-во ЯГУ, 1996. – 230 с.
- Васильев Ф. Ф.* Военное дело якутов / Ф. Ф. Васильев. – Якутск : Бичик, 1995. – 220 с.
- Витсен Н.* Северная и Восточная Тартария / Н. Витсен. – Амстердам : Regas, 2010. – Т. 1, 2. – 1225 с.
- Гоголев А. И.* Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV–XVIII вв.) / А. И. Гоголев. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 1990. – 192 с.
- Гоголев А. И.* Якуты (Проблемы этногенеза и формирования культуры) / А. И. Гоголев. – Якутск : Изд-во ЯГУ, 1993. – 200 с.
- Дашибалов Б. Б.* Истоки: от древних хори-монголов к бурятам / Б. Б. Дашибалов. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – 124 с.
- Дугаров Р. Н.* Гнедой мой – Гнедой Хоридоя. Цивилизация хор, хоро, хури / Р. Н. Дугаров. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 2004. – 600 с.
- Зориктуев Б. Р.* Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят /

Б. Р. Зориктуев.– М. : Вост. лит., 2011. – 278 с.

Зуев Ю. А. Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам / Ю. А. Зуев // Тр. ИИАЭ им. Ч. Валиханова АН Казахской ССР. – Алма-Ата, 1962. – Т. 15. – С. 107–116.

Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии / Ю. А. Зуев. – Алматы : Дайк-Пресс, 2002. – 338 с.

Иванов В. Н. Русские ученые о народах северо-востока Азии (XVII – начало XX в.) / В. Н. Иванов. – Якутск : Якут. кн. изд-во, 1978. – 320 с.

Исторические предания и рассказы якутов. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. – Ч. 1. – 322 с.

Кисель А. В. Якутские чороны и их происхождение / А. В. Кисель // Этногр. обозрение. – 2003. – № 6. – С. 70–77.

Кляшторный С. Г. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье / С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов.– СПб. : Петербург. Востоковедение, 2000. – 320 (368) с.

Константинов И. В. Происхождение якутского народа и его культуры / И. В. Константинов // Якутия и ее соседи в древности / Тр. Прилен. археол. экспедиции. – Якутск : ЯФ СО АН СССР, 1975. – С. 106–173.

Константинов И. В. Происхождение якутского народа и его культуры / И. В. Константинов. – Якутск : Бичик, 2003. – 92 с.

Ксенофонов Г. В. Эллаида / Г. В. Ксенофонов. – М. : Наука, 1977. – 245 с.

Ксенофонов Г. В. Ураанхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов / Г. В. Ксенофонов. – Якутск : Бичик, 1992. – Т. 1, кн. 1. – 416 с.

Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока / Н. В. Кюннер. – М. : Вост. лит., 1961. – 281 с.

Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века) / Я. И. Линденау. – Магадан : Кн. изд-во, 1983. – 176 с.

Научный архив Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Ф. 4 : Ксенофонов Г. В. Оп. 7. Д. 32. Л. 189.

Николаев В. С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках. Усть-Талькинская культура / В. С. Николаев. – Владивосток ; Иркутск : Изд-во ин-та географии СО РАН, 2004. – 306 с.

Николаев В. С. Средневековое погребение у п. Балаганск / В. С. Николаев // Изв. Лаб. древних технологий. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2006. – Вып. 4. – С. 299–308.

Поло М. Книга Марко Поло / М. Поло. – М. : Мастер Лайн, 1997. – 248 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири / Г. Ф. Миллер. – М. : Вост. лит. РАН, 1999. – Т. 1. – 630 с.

Овчинников М. П. Из материалов по этнографии якутов: Легенды, сказки и предания / М. П. Овчинников // Этногр. обозрение. – 1897. – № 3. – С. 182–183; № 4. – С. 85–88.

Окладников А. П. История Якутской АССР / А. П. Окладников. – М. ; Л. : Наука, 1955. – Т. 1 : Якутия до присоединения к Русскому государству. – 295 с.

Петри Б. Э. Доисторические кузнецы в Прибайкалье (К вопросу о доисторическом прошлом якутов) / Б. Э. Петри // Изв. народного образования в Чите. – 1923. – № 1. – С. 1–39.

Происхождение якутов по лингвистическим данным (1928–1930) // Архив МАЭ СпБ РАН (Кунсткамера). Ф. 12. Оп. 1. Д. 135.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей / Рашид-ад-Дин. – М. ; Л. : Вост. лит., 1952. – Т. 1, кн.1. – 221 с.

Редкие мужчины и многочисленные женщины / С. Амори, М. Жибер, К. Кейзер, Б. Люд, Э. Крюбези // Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований

(по материалам саха-французской археологической экспедиции). – Якутск : Издат. дом СВФУ, 2012. – С. 200–206.

Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят / Г. Н. Румянцев. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1962. – 268 с.

Савинов Д. Г. Этническое окружение страны енисейских кыргызов / Д. Г. Савинов // Малые этнические и этнографические группы. – СПб., 2008. – С. 110–122.

Токарев С. А. Происхождение якутской народности / С. А. Токарев // КСИИМК. – 1941. – Т. 9. – С. 58–62.

Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование / Ц. Б. Цыдендамбаев. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1972. – 662 с.

Ушницкий В. В. Об этнической принадлежности курумчинской культуры / В. В. Ушницкий // Этногенез и культуригенез в Байкальском регионе (средневековье). – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – С. 191–205.

Ушницкий В. В. Этнокультурные параллели и связи кыпчаков с Восточной Сибирью / В. В. Ушницкий // Вестн. Краснояр. пед. ун-та им. В. П. Астафьева. – 2011. – № 4. – С. 276–279.

Ушницкий В. В. Загадка племени меркитов: проблема происхождения и потомства / В. В. Ушницкий // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2013. – № 1 (21). – С. 191–195.

Фольклор эвенков Прибайкалья. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1967. – 183 с.

Харинский А. В. Предбайкалье накануне образования монгольского государства / А. В. Харинский // Чингисхан и судьбы народов Евразии. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2003. – С. 104–110.

Харинский А. В. Курумчинская культура Прибайкалья в свете новых археологических данных / А. В. Харинский // Этногенез и культуригенез в Байкальском регионе (средневековье). – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – С. 191–205.

Юрченко А. Г. Историческая география политического мифа. Образ Чингисхана в мировой литературе XIII–XV вв. / А. Г. Юрченко. – СПб. : Евразия, 2006. – 640 с.

Radloff W. Die Jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen / W. Radloff // Abtheilung History, – 1908. – Vol. 8, N 7. – SPb. : Kaiserlichen Akad. der Wissenschaften. – S. 86–305.

Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia / Ph. J. Strahlenberg. – Stockholm, 1730. – S. 373.

Folk Us Version of the Origin Saha Sources on the History Baikal Region

V. V. Ushnitski

Abstract. The article discusses the origin of the Sakha people. The article establishes the connection between the ancestors of the Sakha with the Central Asian Tatars, some of which in the course of civil wars XIII century. It appeared in the hangar. They were known by the name usutu-mangun or water-tatars, they belonged to the Ust-Talkinskaya archaeological culture Angara region XII–XIV centuries. We provide information from the Yakut legends grandparent, which featured Elley tribe "tataar" his father Tataar-time. It is proved that ethnonyms Mongolia and tataar were known ancestors of the Sakha. Endoethnonym Yakuts: Saha and uraanhay also have communication with ethnonyms Zubu (sog-po) – refer to the Tatars and uluhou (Uriangkhai) – ancestors of the Tatars. Central Asian Tatars took an active

part in shaping Kimak-Kipchak tribes. This version is compared to the participation of archaeologists Kimak-Kipchak component in addition Ust-talkintsev and Yakut culture. Thus, the beginning of ethnogenesis Sakha ancestors associated with the region of Lake Baikal, where the Turkic ancestors of the Sakha contact with the Mongol tribes.

Keywords: Saha, Tatars, Ust-talkintsy, ethnogenesis, Baikal, the generic composition of the Sakha.

Ушницкий Василий Васильевич

кандидат исторических наук, научный
сотрудник
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов
Севера СО РАН
677007, Россия, г. Якутск,
ул. Петровского, 1
e-mail: voma@mail.ru

Ushnitski Vasili Vasilievich

Candidate of Sciences (History), Researcher
Institute of Humanitarian Research and
Indigenous Peoples of the North, SB RAS
1, Petrovskiy st., Yakutsk, Russia, 677007
e-mail: voma@mail.ru